

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Научная статья

УДК 81'27

DOI: 10.46724/NOOS.2024.4.50-61

Б. М. Кондорский

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. В основе статьи — авторская концепция социумов, возникших в результате архаических революций первой половины I тыс. до н. э. — социума ранней древности и социума поздней древности. Зафиксировано, что каждому этапу исторического развития соответствует определенный тип сознания и социального пространства. Рассматривая связь с социальным пространством, автор исходит из наличия у языка двух составляющих — языка-системы и языка-речи. Язык-речь в форме языковой деятельности является органической частью социального пространства, и его структура определяется характером типа исторического сознания. Специфика подобного рода зависимости рассмотрена в период древности на примере Египта, Греции и Рима, а также на примере Западной Европы в феодальный период.

Ключевые слова: язык-система, язык-речь, речевая деятельность, языковое сознание, социальное пространство.

Ссылка для цитирования: Кондорский Б. М. Социально-исторические основы развития языкового сознания // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 4. С. 50—61.

Original article

B. M. Kondorsky

SOCIO-HISTORICAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

Abstract. The article is based on the author's concept of societies that emerged as a result of archaic revolutions of the first half of the 1st millennium BC — the society of early antiquity and the society of late antiquity. It is established that each stage of historical development corresponds to a certain type of consciousness and social space. Considering the connection with social space, the author proceeds from the presence of two components in language — the language-system and the language-speech. Language-speech in the form of linguistic activity is an organic part of social space and its structure is determined by the nature of the type of historical consciousness. The specifics of this kind of dependence are considered in the period of antiquity using the example of Egypt, Greece and Rome, as well as using the example of Western Europe in the feudal period.

Keywords: nation, ethnicity, people, world-system, noosphere, empire, process of historical development.

Citation Link: Kondorsky B. M. (2024) Socio-historical foundations of the development of linguistic consciousness, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 50—61.

Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. Революции, в первую очередь, происходили в «голове». Один тип исторического сознания сменялся другим. На смену старому архетипу социальной организации приходил принципиально новый. Именно революции формировали потенциал последующего развития. В процессе исторического развития можно выделить следующие основные революции (точнее, эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные и революции Нового времени [Кондорский, 2020: 566].

Архаические революции, которые имели место в первой половине I тыс. до н. э., разделили историю на два периода, два этапа — раннюю и позднюю древность и соответствующие им социумы — социум ранней древности (СРД) и социум поздней древности (СПД). К СРД, имеющему неолитический архетип, в первую очередь следует отнести египетскую, месопотамскую, индскую цивилизации. Отсутствие в СРД личности как источника воли способствовало формированию системы, в рамках которой источником воли являлись божества. В Египте конкретным источником считался фараон, выступавший здесь не столько в качестве божества, сколько в качестве медиатора, транслятора божественной воли [Кондорский, 2013: 18].

Основу социума составляет социальное пространство, формируемое посредством общения. На каждом этапе исторического развития социальное пространство имело свою специфику. В СРД оно находилось в синкретическом единстве с хозяйственной сферой. Государство воспринималось как большая семья. Правитель заботился о народе как детях, народ любил правителя как отца. Каждое хозяйство, каждый ном так же, как и весь Египет, воспринимались как Дом. У египтян не было понятия государства, было понятие Дом [Перепелкин, 2000: 94—95].

Все царские подданные, начиная с вельмож и заканчивая земледельцами, воспринимались как тело (*hmnw*) фараона (причем в буквальном смысле этого слова). Любой вид принадлежности — недвижимого имущества, скота, слуг, зависимых родственников обозначался как *dt* (от плоти) [Перепелкин, 1988: 32—33], т. е. считался частью тела (опять же в буквальном смысле этого слова).

Царь выступал как податель благ на земле [Берлев, 1978: 39]. Все, что ни делалось в государстве во всех сферах деятельности, сводилось к особе фараона [Перепелкин, 2000: 147]. Вместо производства на основе определенных экономических законов имел место процесс творения вещественных благ фараоном с помощью божественной Силы. При этом совершение ритуала (как благо) и «творение» вещей (как благо) воспринимались как явления одного порядка. Совершение ритуала жрецами принципиально не отличалось от реальной производственной деятельности. В свою очередь, производство носило ритуальный, сакральный характер.

Социальное пространство носит функциональный характер и должно быть заполнено определенными видами деятельности [Чернявская, 2008: 330], включая речевую. В Египте так же, как и других СРД, основу социального пространства составляли «города» как ритуальные центры. В этот период не было города как такового. Любые поселения любого размера и назначения называлось одним и тем же словом. Регулярные ритуальные службы в храмах поддерживали сакральную составляющую социального пространства, формировали своеобразное сакральное «поле». В СРД поддержание социального пространства носило

циклический характер в виде регулярно проводившихся празднеств и ритуалов, основным из которых был праздник Нового года. Здесь мы имеем дело с идеей периодического восстановления мирового порядка [Элиаде, 1998: 93].

Как мы видим, мировосприятие египтян кардинально отличалось от такового у современного человека. Различия должны были касаться и языка. «Сама структура архаического языка отражает архаичность мышления, а в языке архаического человека могут отражаться категории, представляющиеся нам неважными, а зато не отражаются многие категории, без которых в наше время мы не можем составить высказывания, например, нет категории времени и т. п.» [Дьяконов, 1990: 22].

Рассматривая связь языка с социальным пространством, мы исходим из наличия у языка двух составляющих, каждая из которых имеет свои закономерности, — языка-системы (*langue*) и языка-речи (*parole*). Характер языка-речи зависит (определяется) типом исторического сознания. В свою очередь, речевая деятельность (*langage*) является органическим элементом социального пространства, по существу его основой.

Здесь язык-речь нужно понимать в самом широком смысле. В первобытный период такие явления, как ритуал, празднество, игра, судебный процесс, война, торговля принадлежали к явлениям одного порядка и изначально находились в синкретическом единстве. Все они базировались на тех же принципах, что и язык-речь в узком смысле этого слова, т. е. можно было говорить о языке ритуала, празднества, игры и даже войны. Война в древности носила ритуальный характер [Элиаде, 1987: 51]. В свою очередь, все вышеперечисленные явления и институты имели архетип игры [Хейзинга, 1997]. Таким образом, мы имеем категорию «деятельности» и ее архетип, общий для всех видов деятельности, включая речевую.

Для того чтобы понять специфику древнеегипетского языка, интересным представляется сравнение одного и того же высказывания. Египетская версия: «Человек убил кролика» выглядела бы так: «Давание человеческое (= совершаемое человеком) зайца на бок». Для древних египтян «убить» означало «положить на бок» [Чегодаев, 2001: 38].

В свою очередь, первобытный человек выразился бы еще оригинальней: «Человек, он, один, стоя, нарочно убил, пустив стрелу, кролика, его, живого, сидящего» [Леви-Брюль, 1994: 115]. Мышление первобытного человека отражало окружающую действительность в дейктической речи, позволявшей ему воспринимать мир в конкретной ситуации [Селицкая, 1998: 28]. Все дейктическое поле речи воспринималось как участки пространства, соотнесенные с местом, где располагался субъект речи. Дейктические слова были словами пространственной ориентации [там же: 214].

Как уже говорилось выше, в СРД не было понятия личности в понимании, близком к современному. Мышление древнего египтянина не было способно абстрагировать все возможные проявления и качества одного человека до понятия «личность». В речи того времени человек выступал не как обладатель предмета, его хозяин, а только как определение, некое уточнение к предметам и явлениям окружающего мира. Человек являлся только характеристикой предмета. Как только он передавал свою вещь другому, он переставал быть даже ее определением [Чегодаев, 2001: 40]. Здесь нужно иметь в виду, что в СРД человек слабо различал субъект и объект, слово и вещь.

В классический среднеегипетский период большинство египетских слов внешне не отличались от корней. Соответственно, части речи различались по лексическому, а не по грамматическому аспекту слов. Отсутствовало четкое различие между прилагательным и глаголом. У глагола отсутствовала категория времени. Все это говорит о достаточно примитивном состоянии языка [Коростовцев, 1963: 115, 120, 122].

При переходе от Среднего царства к Новому произошли качественные изменения в сознании египтян. Восприятие многих социальных категорий стало более близким к современному. Все это сказалось на характере языка. Если в среднеегипетском языке преобладали элементы синтеза, то в новоегипетском — анализа [там же: 223; Тураев, 2000: 25].

Для понимания структуры египетского мышления и построения его картины мира следует рассмотреть использование в египетском языке предлогов (до 400), которые играли исключительно важную роль в превращении набора слов в законченные синтагмы [Чегодаев, 2001: 41]. Все многочисленные египетские предлоги описывали пространственные отношения, даже когда речь шла об отношениях во времени [Петровский, 1970: 130].

«Быть в качестве» кого-то или чего-то воспринималось как пребывание в этом ком-то или чем-то. Как можно находиться внутри какого-то помещения, так можно пребывать внутри (функции) писца, номарха, отца, сына — даже «меня», «тебя» и т. д.? Человек, занимающий какую-то должность или выполнявший какую-то «функцию», пребывал в ней, словно в некоем помещении, заполняя ее, как жидкость заполняет сосуд [Чегодаев, 2001: 43].

В СПД революционные изменения в сознании, в первую очередь, были связаны с принципиальными изменениями отношений с богами. Если в СРД социальное объединение, находящееся под покровительством богов, получало от них управленческую Силу через своего правителя, то в СПД источником Силы является уже сам народ, заключающий договор с богами, на основании которого получает от них Силу в «постоянное пользование». В свою очередь, народ обязуется чтить богов, регулярно проводить в их честь жертвоприношения и использовать полученную Силу во благо народа [Кондорский, 2013: 20].

Во всех основных СПД формирование нового Мира было связано с приходом пастушеских племен в определенные регионы — дорических на Пелопоннес с севера Балкан, иранских племен в Переднюю Азию и арийских в Северную Индию с Причерноморья. Рим был основан пастухами. Чжоуские племена в Китае также вели аналогичный образ жизни.

На территории Греции сначала появились ахейские племена, которые создали микенскую цивилизацию, существовавшую с XVI по XI век до н. э. В основе управления государств здесь лежала организация хозяйственной деятельности. Появление письменности (линейное письмо Б) было связано, в первую очередь, с потребностями хозяйственного учета (так же, как и в Египте). Царь выступал в качестве верховного организатора производства [История Европы, 1988: 144], т. е. данную цивилизацию так же, как и другие государственные объединения бронзового века, следует отнести к СРД. Микенские государства погибли вследствие внутренних причин. Дорийские племена появились только через сто лет после этого [Андреев, 2004: 60]. Выражаясь биологическим языком, данные образования следует отнести к инадаптивным ветвям, которые не имели потенциала дальнейшего развития. Так же, как язык и письменность того времени.

Процессы социального развития, предшествующие появлению классической Греции, начинались как бы «с чистого листа». После так называемых «темных веков», в X—IX веках в различных районах греческого мира сложился некий общий стереотип художественного мышления, объединивший всех греков в рамках единой культурной общности и сформировавший единую греческую народность с единым психологическим складом [Андреев, 2003: 85]. Начинается строительство нового Мира, который принципиально отличается от микенского. Еще в XI веке происходит решительный разрыв с традициями микенской эпохи [Андреев, 2004: 69].

В VIII—VI веках до н. э. в процессе архаической революции происходит исторический переворот, который коснулся абсолютно всех сфер человеческой деятельности [Фролов, 1988: 92—100]. Это изменения в технологиях, связанные с принципиально новыми методами обработки железа, производства керамических изделий, строительства общественных зданий. Это развитие новых видов деятельности — торговли, мореплавания, судостроения, что практически полностью отсутствовало в доархаический (гомеровский) период.

Естественно, это коснулось и языка-речи. Произошли существенные изменения и в его мифологической составляющей. Если в СРД боги «жили» в храмах [Ермолин, 2002: 35], то здесь они «удаляются» на Олимп. В соответствии с новой структурой социальной деятельности происходят изменения в функциях богов. Если раньше, например, Посейдон был олицетворением плодородной земли, пропитанной влагой, то впоследствии он становится главным морским богом [Мифы народов мира, 1992: 23].

После архаической революции формируются социальные структуры полисного типа (мир-полис). Здесь полис выступает как форма социальной и политической организации античного общества. Для Аристотеля полис представлял собой наивысшую форму всех возможных типов человеческих сообществ, целью которого является благо, т. е. создание условий для нормального существования полита [Кошеленко, 1979: 6]. Именно относительно небольшие размеры полиса позволяли достаточно эффективно поддерживать его социальное пространство.

Появляется личность, соответствующая специфике данного этапа исторического развития. В предшествующий гомеровский период так же, как и в Египте и других цивилизациях ранней древности, источником воли были божества, которые во всем «вели» человека [Ярхо, 1963].

В СПД происходит отделение хозяйственной сферы, которая свертывается в Греции и Риме до уровня ойкоса и фамилии. В античный период мы имеем, помимо хозяйственно-социальной сферы (в рамках семьи), социально-политический уровень гражданской деятельности. Соответственно, два уровня речевой деятельности, которые, в первую очередь, различались характером последствий этой деятельности. В Греции и Риме морально-этическая и политическая сферы находились еще в синкретическом единстве. Только в Новое время происходит их разделение, когда политик руководствуется в своей деятельности только законами политической системы. В Риме политика еще оценивали по его моральным качествам.

В Афинах политико-речевая (в широком смысле этого слова) деятельность элиты находилась под жестким контролем гражданской общины в рамках системы, похожей на тоталитарные режимы XX века. Достижения того или иного

должностного лица практически не принимались во внимание при наказании за допущенные ошибки. При остракизме человека обычно наказывали не за его преступления против государства, а за его положение, авторитет, влияние — опасное для народа (по его мнению) [Зберовский, 2008].

Суд по политическим делам велся не на основе законов, а по велению гражданской совести, «демократической» целесообразности. Общественный резонанс, который создавался при этом, был заведомо губителен для обвиняемого. Часто репрессиям подвергались друзья обвиняемого, родственники и даже дети [Суриков, 1999: 37]. Сюда следует добавить шпионажию в форме лаконофильства и мидизма, а также гипертрофированное доносительство (сикофанство) [Кудрявцева, 2008]. Здесь нужно иметь в виду, что если в тоталитарных режимах единственным источником политической воли был вождь, то в Афинах (так же, как и других СПД) — народ (гражданская община). В XX веке вождь воспринимался как олицетворение народа (нации).

Социумы нового типа, появившиеся после революций в рамках определенного этапа исторического развития, проходили три основных периода развития — архаический, классический и инерционный. В неолитический период инерционной фазе соответствовал бронзовый век. Античные полисы в своем развитии также проходили вышеуказанные стадии. Это же касается и языка. То есть можно говорить о соответствующих стадиях развития как греческого, так и латинского языков.

Если в СРД источником языка были боги [Коростовцев, 1962: 18], то в СПД язык находился во владении народа, являлся его органической собственностью. В III—II веках до н. э. — периоде глубоких сдвигов в области хозяйства и социальных отношений, параллельно с переходом римского социума в классический период то же самое происходит и с латинским языком [Тронский, 1953: 181].

Формально каждый полисный народ имел свой язык. Наличие на относительно небольшой территории острова Крит более десяти полисов предопределило существенные расхождения в говорах различных местностей [Мейе, 2004: 45]. По мере усиления интеграционных процессов в классический период в культурной, торговой, политической сферах по всей Греции распространяется единый язык, в основе которого лежала речь Аттики [Тронский, 1973: 14].

Все объекты культуры, которые появляются в античных полисах в классический период: храмы, театры, агоры, гимнасии, даже общественные бани, являлись местом общения, служили средством поддержания социального пространства, его организации. В этот период полис можно рассматривать как целостный «живой организм», функционирующий на основе единого языка-речи, включающего сферы культуры, торговли, земледелия, политики и имеющего структуру естественного, органического «текста». В этом случае можно говорить о пространстве полиса как потенциальном тексте, его вместилище. Вместе с тем реализованное (актуализированное через вещи) пространство в этой концепции должно пониматься как сам текст [Топоров, 1983: 280].

Однако накапливающиеся противоречия, кризисные явления, процессы отчуждения в конце V начале IV веков в Греции приводят к тому, что от полиса остается одна лишь «оболочка». Именно в этот период вышеуказанные сферы превращаются во вторичные моделирующие системы по терминологии Ю. Лотмана [Лотман, 1970: 16]. Все уже носит не «живой», а модельный характер. По существу, модельный характер принимает и сама гражданская община.

Процессы отчуждения, характерные для всех компонентов социального пространства в инерционный период, коснулись и стандартизированного литературного языка. В Риме произошел его разрыв с разговорной речью империи, что привело к «омертвлению» латинского литературного языка и его непониманию народом [Шишмарев, 1972: 22].

Выше уже говорилось о миграциях дорических, иранских, арийских племен. При этом миграции носили характер «просачивания» и продолжались в течение длительного времени. В частности, до сих пор исследователи не могут найти внятных следов миграции дорических греков с Северных Балкан на Пелопоннес [Андреев, 2004: 76]. Если же взять такую языковую суперсемью, как сино-кавказская, то география миграций ее носителей простирается от Атлантического (баскские языки) до Тихого океана (сино-тибетские языки) и даже до Северной Америки (языки на-дене). Подобного рода миграции характерны и для ностратической суперсемьи.

Все это происходило на просторах Евразийской ойкумены, основу которой составляли потоки информации технологических новшеств, появившихся в ее центре (Передней Азии) [Кондорский, 2017: 22—23]. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что языковая эволюция (на уровне языка-системы) происходила в процессе миграций подобного рода. Любое стационарное существование человеческих сообществ консервировало этот процесс. Соответственно, географическая изоляция замедляла как социальное, так и языковое развитие. В качестве примера можно привести Австралию, Тропическую Африку, доколумбовую Америку.

После феодальных революций происходит очередное разделение социального пространства. В античный период в Греции и Риме политическое не было самостоятельной сферой. В это время государственные дела решались во многом на основе законов этики и морали посредством личных связей (дружеских, родственных). Если в Риме один и тот же человек как член фамилии был носителем хозяйственно-бытового языка, а как гражданин — субъектом публичного языка, то при феодализме происходит четкое разделение на простой народ и феодальную военно-политическую элиту.

Язык может развиваться только в рамках своего народа. Несмотря на то что на тюркский язык перешло много народов самого различного расового происхождения, тюркские наречия, известные с XII века, до сих пор сохраняют свои существенные черты и незначительно изменились [Мейе 2004: 36].

Формирование и развитие языков в Западной Европе в феодальный период происходило на варварской основе (базисе). «Сопоставление латинской социальной терминологии в источниках раннего средневековья с терминологией народных языков в англосаксонских и скандинавских памятниках той же эпохи обнаруживает бедность, неконкретность и застылость первой по сравнению с богатством, гибкостью и отзывчивостью к оттенкам второй» [Гуревич, 1973: 74].

На новом этапе исторического развития язык во многом был уже связан с политической сферой и определялся спецификой ее изменения. Характерной особенностью существования языков феодальной эпохи являлся тип поместно-территориальных говоров, замкнутых в границах средневекового поместья-государства. Французские, английские, итальянские литературные памятники XI—XIII веков носили в основном диалектологический характер. Отсутствовала тенденция к надтерриториальному объединению [Жирмунский, 1936: 32—33].

Тенденции формирования нации, национального государства, проявляющиеся в Новое время, затрагивают и характер развития языков. «Литературные» языки феодального периода принимают национальную окраску [Гухман, 1955: 10, 23]. Формирование единого литературного национального языка в этот период направлено на ликвидацию диалектной раздробленности, подчинение единым нормам. Литературный язык распространялся из господствующего слоя населения той территории, которая играла господствующую роль в политическом отношении (обычно столичных регионов) [Бах, 1956: 18].

Во Франции в 1635 году Ришелье была основана Французская академия, которая сыграла большую роль в формировании национального языка. Отбрасывались архаизмы, провинциализмы, вульгаризмы. С другой стороны, свое влияние оказывал классовый, дворянский фактор. Поэзия французского классицизма XVII века допускала только «высокий стиль». В области языка это означало отбор условно-поэтических слов и изгнание точных и прозаических обозначений предметов окружающей действительности [Жирмунский, 1936: 13—14].

В зависимости от характера политической судьбы формирующихся национальных государств в Западной Европе наблюдались два основных типа развития национального языка. С одной стороны, Англия и Франция, а с другой — Германия и Италия, где вследствие политической раздробленности имела место значительная раздробленность в разговорном языке, которая не исчезла даже после национального объединения [Жирмунский, 1936: 55].

Диалекты (в узком смысле этого слова) следует рассматривать на уровне языка-речи. Ни о каких процессах развития (именно развития, а не изменения) здесь не может быть и речи. В XIII веке в Германии в основных диалектах имели место самостоятельные фонетические процессы [Гухман, 1955: 158]. Все это говорит о том, что в данном случае мы имеем не диалекты, а отдельные языки, по крайней мере, для рассматриваемого периода.

Впоследствии современный немецкий язык формировался не на основе, а на отрицании этих языков. Процесс перехода от одного этапа развития к другому происходит на основе отрицания всего предыдущего. Чем глубже этот процесс, тем более высокий потенциал последующего развития мы имеем.

Доминирующая схема эволюции языков: язык — диалекты — язык — диалекты и т. д. носит примитивный характер и не отражает реалий. Автором была предпринята попытка на основе закономерностей биологической и социальной эволюций осмыслить этот многогранный процесс [Кондорский, 2021]. Здесь язык выступает в качестве архетипа, праформы и имеет только системную составляющую.

В наше время общество представляет собой совокупность автономных (в идеале) личностей. Каждый человек как личность имеет свой внутренний мир-сознание, свой язык как объект собственности, свое социальное пространство. Внешнюю речь следует рассматривать как проявление внутренней речи, связанной с процессами ориентации человека в своем внутреннем социальном пространстве.

Библиографический список / Reference

- Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. 448 с.
(Andreev Yu. V. *Early Greek polis (Homeric period)*, St. Petersburg, 2003, 448 p. — In Russ.)
- Андреев Ю. В. Гомеровское общество. СПб.: Нестор-История, 2004. 496 с.
(Andreev Yu. V. *Homeric society*, St. Petersburg, 2004, 496 p. — In Russ.)
- Бах А. История немецкого языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 343 с.
(Bach A. *History of the German language*, Moscow, 1956, 343 p. — In Russ.)
- Берлев О. Д. Общественные отношения Египта в эпоху Среднего царства. М.: Наука, 1978. 364 с.
(Berlev O. D. *Social relations of Egypt during the Middle Kingdom*, Moscow, 1978, 364 p. — In Russ.)
- Гуревич А. Я. Язык исторического источника и социальная действительность: билингвизм в средневековой Европе // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту: ТартГУ, 1973. С. 73—75.
(Gurevich A. Ya. Language of the historical source and social reality: bilingualism in medieval Europe, in *Collection of articles on secondary modeling systems*, Tartu, 1973, pp. 73—75. — In Russ.)
- Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 163 с.
(Gukhman M. M. *From the language of the German people to the German national language*, Moscow, 1955, 163 p. — In Russ.)
- Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990. 247 с.
(Dyakonov I. M. *Archaic myths of the East and West*, Moscow, 1990, 247 p. — In Russ.)
- Ермолин Е. А. Миф и культура. Ярославль: Александр Рутман, 2002. 122 с.
(Ermolin E. A. *Myth and culture*, Yaroslavl, 2002, 122 p. — In Russ.)
- Жирмунский В. Национальный язык и социальные диалекты. Л.: Художественная литература, 1936. 297 с.
(Zhirmunsky V. *National language and social dialects*, Leningrad, 1936, 297 p. — In Russ.)
- Зберовский А. В. Становление демократической политической культуры в Элладе VIII—V веков до н. э.: Политическая мысль и политический человек доплатоновского периода. Красноярск: Изд-во Красноярск. ГАУ, 2008. 310 с.
(Zberovsky A. V. *Formation of democratic political culture in Hellas in the 8th-5th centuries BC: Political thought and political man of the pre-Platonic period*, Krasnoyarsk, 2008, 310 p. — In Russ.)
- История Европы. Т. 1. М.: Наука, 1988. 704 с.
(History of Europe, vol. 1, Moscow, 1988, 704 p. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) // Общество и государство в Китае. Т. XLIII, ч. 2. М.: ИВ РАН, 2013. С. 16—28.
(Kondorsky B. M. Archaic revolution in ancient China (an attempt at comparative historical analysis), in *Society and state in China*, vol. XLIII, part 2, Moscow, 2013, pp. 16—28. — In Russ.)

- Кондорский Б. М. Историческое развитие китайской ойкумены в древности // Общество и государство в Китае. Т. XLVII, ч. 1. М.: ИВ РАН, 2017. С. 20—35.
(Kondorsky B. M. Historical development of the Chinese oikumene in antiquity, in *Society and state in China*, vol. XLVII, part 1, Moscow, 2017, pp. 20—35. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Революционная концепция процесса исторического развития // Глобалистика 2020: Глобальные проблемы и будущее человечества: сборник материалов VI Международного научного конгресса. М.: МГУ ФГП, 2020. С. 566—571.
(Kondorsky B. M. Revolutionary concept of the process of historical development, in P'in I. V. (ed.) *Globalistics 2020: Global problems and the future of humanity*, Moscow, 2020, pp. 566—571. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Сравнительные основы биологической, социальной и языковой эволюции // Эволюция: О трендах универсальной эволюции. Волгоград: Учитель, 2021. С. 101—138.
(Kondorsky B. M. Comparative foundations of biological, social and linguistic evolution, in *Evolution: On the trends of universal evolution*, Volgograd, 2021, pp. 101—138. — In Russ.)
- Коростовцев М. А. Писцы древнего Египта. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 174 с.
(Korostovtsev M. A. Scribes of Ancient Egypt, Moscow, 1962, 174 p. — In Russ.)
- Коростовцев М. А. Введение в египетскую филологию. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 167 с.
(Korostovtsev M. A. *Introduction to Egyptian philology*, Moscow, 1963, 167 p. — In Russ.)
- Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979. 296 с.
(Koshelenko G. A. *Greek polis in the Hellenistic East*, Moscow, 1979, 296 p. — In Russ.)
- Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб.: Алетейя, 2008. 464 с.
(Kudryavtseva T. V. *People's court in democratic Athens*, St. Petersburg, 2008, 464 p. — In Russ.)
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
(Levy-Bruhl L. *The supernatural in primitive thinking*, Moscow, 1994, 608 p. — In Russ.)
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
(Lotman Yu. M. *The structure of the artistic text*, Moscow, 1970, 384 p. — In Russ.)
- Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М.: УРСС, 2004. 104 с.
(Meje A. *Comparative method in historical linguistics*, Moscow, 2004, 104 p. — In Russ.)
- Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2 / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская Энциклопедия, 1992. 720 с.
(Tokarev S. A. (ed.) *Myths of the peoples of the world*, Encyclopedia, vol. 2, Moscow, 1992, 720 p. — In Russ.)
- Перепелкин Ю. М. Хозяйство староегипетских вельмож. М.: Наука, 1988. 302 с.
(Perpelkin Yu. M. *Economy of the old-Egyptian nobles*, Moscow, 1988, 302 p. — In Russ.)
- Перепелкин Ю. М. История Древнего Египта. СПб.: Летний сад, 2000. 560 с.
(Perpelkin Yu. M. *History of Ancient Egypt*, St. Petersburg, 2000, 560 p. — In Russ.)
- Петровский Н. С. Сочетание слов в египетском языке. М.: Наука, 1970. 315 с.
(Petrovsky N. S. *Combination of words in the Egyptian language*, Moscow, 1970, 315 p. — In Russ.)

- Селицкая И. А. Теория познания: мышление и речь первобытного человека. СПб.: Ювента, 1998. 242 с.
(Selitskaya I. A. *Theory of knowledge: thinking and speech of primitive man*, St. Petersburg, 1998, 242 p. — In Russ.)
- Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 1999. № 2. С. 34—42.
(Surikov I. E. On some features of the legal consciousness of the Athenians of the classical era, *Ancient Law*, 1999, no. 2, pp. 34—42. — In Russ.)
- Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227—284.
(Toporov V. N. Space and text, in *Text: semantics and structure*, Moscow, 1983, pp. 227—284. — In Russ.)
- Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 272 с.
(Tronsky I. M. *Essays on the history of the Latin language*, Moscow-Leningrad, 1953. 272 p. — In Russ.)
- Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л.: Наука, 1973. 207 с.
(Tronsky I. M. *Questions of language development in ancient society*, Leningrad, 1973, 207 p. — In Russ.)
- Тураев Б. А. Египетская литература. СПб.: Летний сад, 2000. 336 с.
(Turaev B. A. *Egyptian literature*, St. Petersburg, 2000, 336 p. — In Russ.)
- Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 232 с.
(Frolov E. D. *The birth of the Greek polis*, Leningrad, 1988, 232 p. — In Russ.)
- Хейзинга Й. Homo Ludens: статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
(Huizinga J. *Homo Ludens: articles on the history of culture*, Moscow, 1997, 416 p. — In Russ.)
- Чегодаев М. Древний Египет: язык и культура // Древний Восток: общность и своеобразие культурных традиций. М.: ИВ РАН, 2001. С. 33—51.
(Chegodaev M. Ancient Egypt: Language and Culture, in *Ancient East: commonality and uniqueness of cultural traditions*, Moscow, 2001, pp. 33—51. — In Russ.)
- Чернявская О. С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социология. Психология. Философия. 2008. № 5. С. 329—335.
(Chernyavskaya O. S. Social space: a review of theoretical interpretations, *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. Series: Sociology. Psychology. Philosophy*, 2008, no. 5, pp. 329—335. — In Russ.)
- Шишмарев В. Ф. Избранные статьи: История итальянской литературы. Л.: Наука, 1972. 363 с.
(Shishmarev V. F. *Selected articles: History of Italian literature*, Leningrad, 1972, 363 p. — In Russ.)
- Элиаде М. Космос и история: Избранные работы. М.: Прогресс, 1987. 312 с.
(Eliade M. *Space and history: selected works*, Moscow, 1987, 312 p. — In Russ.)
- Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетейя, 1998. 258 с.

(Eliade M. *The myth of eternal return*, St. Petersburg, 1998, 258 p. — In Russ.)

Ярхо В. Н. Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека // Вестник древней истории. 1963. № 2. С. 46—64.

(Yarkho V. N. The problem of responsibility and the inner world of Homeric man, *Bulletin of Ancient History*, 1963, no. 2, pp. 46—64. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Кондорский Борис Михайлович — кандидат биологических наук, независимый исследователь, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, bmkbox@mail.ru

Kondorsky Boris Mikhailovich — Candidate of Sciences (Biology), independent researcher, Donetsk, Donetsk People's Republic, bmkbox@mail.ru